

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://royallib.ru)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Твен Марк

Как я выступал в роли агента по обслуживанию туристов

Марк Твен

КАК Я ВЫСТУПАЛ В РОЛИ АГЕНТА ПО ОБСЛУЖИВАНИЮ ТУРИСТОВ

Приближалось время, когда нам нужно было отправляться из Экс-ле-Бена в Женеву, а оттуда, посредством ряда продолжительных и весьма запутанных переездов, добираться до Байрейта в Баварии. Разумеется, для обслуживания столь многочисленной компании туристов, как наша, мне следовало нанять специального агента.

Но я все откладывал. А время шло, и, проснувшись в одно прекрасное утро, я был поставлен перед фактом: пора ехать, а агента нет. И тут я решился на отчаянный поступок, - я понимал, что иду на риск, но у меня было как раз подходящее настроение. Я объявил, что на новом этапе устрою все сам, без посторонней помощи; и как сказал, так и сделал.

Я самолично доставил всю компанию - четырех человек - из Экса в Женеву. Езды туда целых два часа, а то и больше, да еще пересадка. Поездка прошла без единого происшествия - ну, не считая забытого саквояжа и еще кое-каких мелочей, оставленных на перроне, но ведь это дело обычное, его происшествием не назовешь. И тогда я вызвался самостоятельно довести всю нашу компанию до Байрейта.

То была большая ошибка с моей стороны, хоть сначала я этого и не понимал. Забот оказалось гораздо больше, чем я ожидал: во-первых, надо было заехать за двумя нашими спутниками, которых мы несколько недель тому назад оставили в одном женевском пансионе, и перевезти их к нам в гостиницу; во-вторых, я должен был заявить на складах хранения багажа на Главной набережной, чтобы оттуда доставили семь наших чемоданов и вместо них взяли на хранение другие наши семь чемоданов, которые будут сложены в вестибюле гостиницы; в-третьих, я должен был выяснить, в какой части Европы находится Байрейт, и купить семь железнодорожных билетов до этого пункта; в-четвертых, я должен был отправить телеграмму одному нашему знакомому в Голландию; в-пятых, было уже два часа дня, и нам следовало торопиться, чтобы успеть к первому ночному поезду, и загодя, пока еще можно, достать билеты в спальный вагон; и в-шестых, я должен был взять в банке деньги.

Я решил, что самое важное - что билеты в спальном вагоне, поэтому для верности пошел на вокзал сам; рассыльные в гостиницах не всегда достаточно расторопны. День был жаркий, мне следовало бы взять извозчика, но я решил, что экономнее будет пойти пешком. На деле получилось наоборот, потому что я заблудился и мне пришлось идти в три раза дальше. Я сунулся в кассу заказывать билеты, но у меня стали спрашивать, каким маршрутом я намерен следовать, - это меня озадачило, я растерялся: кругом толпилось столько народу, к тому же я ничего не смыслил в маршрутах и не подозревал, что в Байрейт можно ехать разными маршрутами; в общем, я решил уйти, проложить маршрут по карте, а уж тогда возвратиться за билетами.

Назад в гостиницу я ехал на извозчике, но, уже подымаясь по лестнице, вдруг вспомнил, что у меня кончились сигары, - вот я и подумал, что надо купить сигар, пока я не

забыл. Идти было недалеко, так что извозчик был не нужен. Я сказал кучеру, чтобы он оставался на месте и ждал. По пути я стал составлять в уме телеграмму, которую надо было отправить, и шагал куда глаза глядят, совершенно забыв и о сигарах и об извозчике. Вообще-то я собирался поручить отправку телеграммы служащим гостиницы, но раз я уже был, надо полагать, неподалеку от почты, я решил, что, пожалуй, отправлю ее сам. До почты оказалось дальше, чем я думал. Но в конце концов я все же ее нашел, написал телеграмму, и подаю. Господин в окошке, строгий, нервный человек, обрушил на меня ливень вопросов по-французски, но слова его слились в один сплошной поток, я ничего не мог разобрать и опять растерялся. Однако на помощь мне пришел один англичанин, который объяснил, что господин в окошке хочет знать, куда посылать телеграмму. Этого я ему сказать не мог, ведь это была не моя телеграмма; я стал толковать, что просто посылаю ее по поручению своего знакомого. Но его ничем нельзя было урезонить: подавай ему адрес, да и только. Тогда я сказал, что если уж ему так приспичило, то, пожалуйста, я схожу в гостиницу и узнаю.

Кстати я подумал, что сначала зайду за двумя нашими недостающими спутниками, потому что самое лучшее - это заниматься всяким делом в свой черед, а не браться бессистемно сразу за все. Потом я вдруг спохватился, что у гостиницы стоит извозчик и поглощает мою наличность, и я подозвал другого извозчика и велел ему съездить за тем извозчиком и сказать ему, чтобы он ехал за мной к почте и там ждал, пока я приду.

Я долго тащился по жаре, а когда пришел в пансион, оказалось, что те двое не могут идти со мной, так как у них очень тяжелые саквояжи и им нужен извозчик. Я пошел за извозчиком, но, прежде чем мне попался хоть один, я заметил, что нахожусь поблизости от набережной, - так по крайней мере мне показалось, - вот я и решил, что сэкономлю немало времени, если сделаю небольшой крюк, зайду на склад для хранения багажа и договорюсь насчет чемоданов. Я сделал небольшой крюк, всего в какую-нибудь милю, и хоть не обнаружил набережной, зато наткнулся на табачную лавку я сразу вспомнил про сигары. Человеку за прилавком я сообщил, что еду в Байрейт и должен запастись сигарами на все время путешествия. Он поинтересовался, каким маршрутом я собираюсь следовать. Я сказал, что не знаю. Тогда он сказал, что он бы посоветовал мне отправиться через Цюрих и через разные другие города, названия которых он перечислил, и предложил продать мне семь транзитных билетов второго класса по двадцать два доллара за штуку, хоть лично он и потеряет на этом комиссионные, которые ему полагаются по уговору с железнодорожными властями. Мне уже надоело ездить в вагонах второго класса по билетам первого класса, и я поймал его на слове.

В конце концов я все-таки нашел контору склада и сказал там, чтобы они отправили в гостиницу семь наших чемоданов и сложили их в вестибюле. Было у меня какое-то подозрение, что я чего-то недоговариваю, но больше я ничего не мог вспомнить.

После этого я обнаружил банк и попросил, чтобы мне выдали денег, но оказалось, что я оставил где-то свой аккредитив и поэтому не могу получить даже самой маленькой суммы. Тут я припомнил, что, должно быть, оставил аккредитив на том столе, где писал телеграмму. Беру извозчика и еду на почту. Приехал, а мне говорят, что, действительно, у них на столе был оставлен аккредитив, но что он передан полицейским властям и что мае надлежит пойти туда и доказать свое право на владение этим документом. Они дали мне в провожатые мальчика; мы вышли с черного хода, потом шли мили две и наконец добрались до места; но тут я вспомнил о своих извозчиках и велел мальчику прислать их ко мне, как только он вернется на почту. Был уже вечер, и мэра на месте не оказалось - он ушел обедать. Я подумал, что, пожалуй, тоже пойду пообедать, но дежурный офицер решил иначе, и мне пришлось остаться. В половине одиннадцатого появился мэр, но он сказал, что время слишком позднее, сейчас сделать ничего нельзя, - я должен прийти завтра в девять тридцать утра. Офицер хотел задержать меня на ночь; он заявил, что у меня подозрительный вид и что, по всей вероятности, я вовсе не являюсь владельцем аккредитива и вообще не имею представлений о том, что такое аккредитив, а просто подглядел, как настоящий владелец аккредитива оставил документ на столе, и теперь хочу его получить, потому что я из тех, кто

готов присвоить себе все, что попадется под руку, независимо от того, ценная это вещь или нет. Но мэр сказал, что не замечает во мне ничего подозрительного, что я, кажется, личность вполне безобидная и со мной все в порядке, - разве, может, в мозгу винтиков не хватает, если только вообще он у меня имеется. Я поблагодарил его, он меня отпустил, и я на трех извозчиках вернулся в гостиницу.

Я смертельно устал и не в состоянии был бы вразумительно отвечать на вопросы, поэтому я решил не беспокоить членов нашей экспедиции в столь поздний час, а устроиться на ночлег в свободном номере, выходящем в дальний конец вестибюля; однако мне не удалось туда добраться, ибо они выставили дозор, они тревожились обо мне. Я очутился в гнуснейшем положении. Члены экспедиции, в дорожном платье и с ледяными физиономиями, сидели рядом на четырех стульях, держа на коленях пледы, сумки и путеводители. Они просидели так уже четыре часа, и барометр все падал. Да, да, они сидели и ждали - ждали меня. Я понял, что теперь только внезапным, вдохновенным, блестящим экспромтом можно прорвать этот железный фронт и произвести смятение в стане врагов. Я запустил на арену шляпу, а за ней вприпрыжку, весело хохоча, выскочил и сам.

- Ха-ха-ха! Вот и мы, почтеннейшая публика!

В ответ - вместо ожидаемых аплодисментов - гробовое молчание. Но я продолжал в том же духе, ведь иного выхода не было, хотя, признаться, моя самоуверенность, и без того довольно худосочная, после такого убийственного приема и вовсе улетучилась.

На сердце у меня было тяжело, но я шутил, я старался тронуть души этих людей, смягчить выражение горечи и обиды на их лицах, притворяясь веселым и легкомысленным; я хотел подать всю эту мрачную историю как забавный, комический анекдот, - но замысел мой не удался. Настроение у всех было для этого неподходящее. Ни единая улыбка не вознаградила меня, ни единая черта не дрогнула на оскорбленных лицах, и ледяные взгляды даже не начали оттаивать. Я хотел было выкинуть еще одно коленце, но эта жалкая попытка была пресечена главой нашей экспедиции в самой середине:

- Где вы пропадали?

По тону я сразу понял, что от меня требуется теперь перейти прямо к прозе фактов. Ну, я и принялся повествовать о своих скитаниях; однако меня снова прервали:

- Где наши друзья? Мы о них ужасно волнуемся.

- О, с ними все благополучно. Я должен был нанять им извозчика. Сейчас вот сбегая и...

- Сядьте! Вы что, не знаете, что сейчас одиннадцать часов? Где вы их оставили?

- В пансионе.

- Почему вы не привели их сюда?

- Потому что у них очень тяжелые сумки. Вот я и подумал...

- Подумал! Никогда не пытайтесь думать если уж кому богом не дано, то нечего и пытаться. Отсюда до пансиона две мили. Вы что же, туда пешком шли?

- Я... дело в том, что я не собирался, но так уж получилось.

- Как же это так получилось?

- Потому что я был на почте и вдруг вспомнил, что у гостиницы меня дожидается извозчик, и тогда, чтобы не было лишних расходов, я крикнул другого извозчика и... и послал его...

- Куда же вы его послали?

- Ну, сейчас я уже не помню, но думаю, что второй извозчик должен был, наверное, передать, чтобы в гостинице расплатились с первым извозчиком и отпустили его,

- Какой же от этого прок?

- Какой прок? Да ведь я прекратил ненужные траты!

- Это каким же образом? Наняв вместо одного извозчика другого?

Я ничего не ответил.

- Почему вы не велели новому извозчику заехать за вами?

- Вот именно что велел! Теперь-то я вспомнил. Я именно велел ему за мной заехать.

Потому что я помню, что когда я...

- Так почему же он за вами не заехал?

- На почту? Он и заехал.

- Хорошо, ну а как тогда получилось, что вы шли пешком в пансион?

- Я... я не совсем ясно помню, как это вышло... Ах да, вспомнил, теперь вспомнил! Я написал текст телеграммы для отправки в Голландию, и...

- Слава богу! Все-таки хоть что-то вы сумели сделать! Не хватало только, чтобы вы и телеграмму не... Что такое? Почему вы не смотрите мне в глаза? Эти телеграмма крайне важная, и... Вы что, не отправили телеграмму?

- Я не говорю, что я ее не отправил...

- Ну, ясно. Можете и не продолжать. О господи, не хватало еще только, чтобы телеграмму не послали! Почему вы ее не отправили?

- Понимаете, у меня было столько дел, столько забот, и я... они там на почте ужасно придирчивы, и когда я составил текст телеграммы...

- Э, да что там! Объяснениями ничего не поправишь. Что он теперь о нас подумает?!

- Да вы напрасно об этом беспокоитесь. Он подумает, что мы поручили отправку телеграммы служащим гостиницы, а они...

- Ну конечно! Ведь это и в самом деле был единственно разумный путь!

- Верно, я знаю. Но на мне висел еще банк. Мне надо было непременно прийти туда и взять денег.

- Все-таки надо отдать вам должное, по крайней мере об этом вы позаботились. Я не хочу быть несправедливой к вам, хотя вы сами должны признать, что причинили нам много беспокойства, и при этом в значительной мере зря. Сколько же вы взяли?

- Видите ли... я... мне подумалось что... что...

- Что же?

- Что... в общем, при данных обстоятельствах... ведь нас так много, знаете ли, и... и потом...- Что это вы так мямлите? Ну-ка, посмотрите на меня!.. Да ведь вы никаких денег не взяли!

- Понимаете, в банке сказали...

- Мало ли что сказали в банке! Нет, у вас, конечно, были какие-то свои соображения. То есть не то чтобы соображения, но что-то такое, чем вы...

- Да нет же, все очень просто: при мне не было аккредитива.

- Не было аккредитива?

- Не было аккредитива.

- Не передразнивайте меня, пожалуйста. Где же он был?

- На почте.

- Это еще почему?

- Я забыл его там на столе.

- Ну, знаете ли, разных я видела агентов по обслуживанию туристов, но такого...

- Я старался как мог.

- В самом деле, бедняжка, вы старались как могли, и я не права, что набросилась на вас, ведь вы целый день хлопотали, чуть с ног не сбились, а мы тут прохлаждались, да еще и недовольны, вместо того чтобы спасибо сказать за ваши труды. Все устроится отлично. Мы с таким же успехом можем уехать завтра утром поездом в семь тридцать. Билеты вы купили?

- Купил - и очень удачно. Во второй класс.

- Очень хорошо сделали. Все ездят вторым классом, и нам тоже не грех сэкономить на этой разорительной надбавке. Сколько, вы сказали, они стоят?

- Двадцать два доллара штука, транзитные билеты до Байрейта.

- Ну? А мне казалось, что транзитные билеты невозможно купить нигде, кроме Лондона и Парижа.

- Кому невозможно, а кому и возможно. Я, например, из тех, кто может.

- Цена, по-моему, довольно высока.

- Наоборот, комиссионер еще отказался от наценки.
- Комиссионер?
- Да, я их купил в табачной лавке.
- Хорошо, что вы мне напомнили! Завтра надо подняться очень рано, на сборы времени не будет. Так что возьмите свой зонт, калоши, сигары... Что случилось?
- Черт! Я забыл сигары в банке.
- Подумать только! Ну а зонт?
- С зонтом-то я сейчас все устрою. Это дело минутное.
- Какое дело?
- Да нет, чепуха; это я мигом...
- Но где же все-таки ваш зонт?
- Ерунда, в двух шагах, это не займет и....
- Да где же он?
- Я, кажется, забыл его в табачной лавке, во всяком случае, я...
- Ну-ка, выньте ноги из-под стула. Ну вот, так я и знала! А калоши где?
- Калоши... они...
- Где ваши калоши?
- Эти дни такая сушь стоит... все говорят, что теперь дождя но...
- Где ваши калоши?
- Я... видите ли... дело обстояло так: сначала офицер сказал...
- Какой офицер?
- В полиции; но мэр, он...
- Какой мэр?
- Мэр города Женевы... но я сказал...
- Погодите, что с вами случилось?
- Со мной? Ничего. Они оба уговаривали меня остаться и...
- Да где остаться?
- Понимаете ли... собственно говоря...
- Где же вы все-таки были? Где вы могли задержаться до половины одиннадцатого ночи?
- Д-да, видите ли, после того как я потерял аккредитив, я...
- Напрасно вы заговариваете мне зубы. Отвечайте на вопрос коротко и ясно: где ваши калоши?
- Они... они в тюрьме.

Я попробовал было заискивающе улыбнуться, но улыбка моя окаменела на полпути. Обстановка была явно неподходящая. В том, что человек провел часок-другой в тюрьме, члены нашей экспедиции не видели ничего смешного. Да и я, по правде говоря, тоже.

Пришлось мне им все объяснить. Ну и тут, понятно, выяснилось, что мы не можем ехать завтра утренним поездом, - ведь тогда я не успею вызволить аккредитив. Кажется, нам оставалось только разойтись в самом что ни на есть невеселом и недружелюбном расположении духа, но в последний миг мне повезло. Заговорили о чемоданах, и я получил возможность заявить, что с чемоданами-то я все устроил.

- Вот видите, какой вы, оказывается, заботливый, старательный и догадливый! Просто стыд, что мы к вам так придираемся. Ни слова больше об этом! Вы превосходно со всем справились, и я раскаиваюсь, что проявила такую неблагодарность.

Похвала ранила острее попреков. Мне стало сильно не по себе, потому что это дело с чемоданами не внушало мне особой уверенности. Было в нем какое-то слабое место, но какое именно, я вспомнить не мог, а затевать теперь лишние разговоры не хотелось, ибо час был поздний и неприятностей и без того хватало.

Утром в гостинице, конечно, устроили концерт, когда выяснилось, что мы не едем утренним поездом. Но мне было некогда, я выслушал только несколько вступительных аккордов увертюры и пустился в путь за аккредитивом.

Мне подумалось, что сейчас самое время поинтересоваться еще раз насчет чемоданов и, если понадобится, внести поправки, а я подозревал, что поправки понадобятся. Я опоздал. Служащий сказал, что еще вчера вечером отправил наши чемоданы пароходом в Цюрих. Я недоумевал, как он мог это сделать, прежде чем мы предъявили ему проездные билеты.

- В Швейцарии это необязательно, - объяснил он. - Вы платите и отправляете свои чемоданы куда вам вздумается. Все перевозится за плату, кроме ручного багажа.

- Ну а сколько вы заплатили за наши чемоданы? - Сто сорок франков.

- Двадцать восемь долларов. Да, что-то в этом деле с чемоданами не так.

Потом я встретил швейцара из нашей гостиницы. Он сказал:

- Вы плохо спали сегодня ночью? У вас изможденный вид. Может быть, вы хотели бы напять агента? Вчера вечером вернулся один, он свободен ближайшие пять дней. Фамилия - Луди. Мы его рекомендуем... то есть Гранд-отель Бо-Риваж рекомендует его своим постояльцам.

Я холодно отказался. Мой дух был еще не сломлен. И потом, мне не нравится, когда на мои неприятности обращают такое явное внимание. К девяти часам я отправился в городскую тюрьму, питая надежду, что, может быть, мэр вздумает прийти раньше, чем начинаются его присутственные часы. Но он не пришел. В тюрьме было скучно. Всякий раз как я пытался что-нибудь тронуть или на что-нибудь взглянуть, что-нибудь сделать или чего-нибудь не сделать, полицейский заявлял, что это запрещено. Тогда я решил попрактиковаться на нем во французском языке, но он и тут не пошел мне навстречу: почему-то звуки родного языка привели его в особенно дурное расположение духа.

Наконец прибыл мэр, и тут все пошло как по маслу: был созван Верховный суд, - они его всегда созывают, когда решается вопрос о ценном имуществе, поставили, как во всяком порядочном суде, стражников, капеллан прочел молитву, принесли незапечатанный конверт с моим аккредитивом, открыли его - и там ничего, кроме нескольких фотографий, не обнаружили, потому что теперь я отчетливо вспомнил, как вынул из конверта аккредитив, чтобы было куда положить фотографии, а самый аккредитив засунул в другой карман, что я и доказал ко всеобщему удовлетворению тем, что извлек упомянутый документ из кармана и, ликуя, предъявил присутствовавшим. Члены суда бессмысленно уставились сначала друг на друга, потом на меня, потом снова друг на друга и в конце концов все-таки меня отпустили, но сказали, что мне небезопасно находиться на свободе, а также поинтересовались моей профессией. Я объяснил им, что я агент по обслуживанию туристов. Тут они благоговейно возвели очи к небесам и произнесли: "Du lieber Gott", а я в нескольких словах поблагодарил их за столь открыто выраженное восхищение и поспешил в банк.

Однако должность агента уже сделала из меня большого любителя порядка и системы, сторонника правил: "не все сразу" и "всему свой черед"; поэтому я прошел банк, не заходя туда, свернул в сторону и пустился в путь за двумя недостающими членами нашей экспедиции. Поблизости дремал извозчик, которого я после длительных уговоров нанял. Во времени я ничего не выиграл, но то был весьма покойный экипаж, и он пришелся мне по дуту. Длившиеся уже неделю празднества по поводу шестисотой годовщины со дня рождения швейцарской свободы и подписания союзного договора были в полном разгаре, и запруженные улицы пестрели флагами.

Лошадь и кучер пьянствовали три дня и три ночи напролет, не ведая ни стойла, ни постели. Вид у обоих был измочаленный и сонный - и это как нельзя более отвечало тому, что чувствовал я. Однако в конце концов мы все же подъехали к пансиону. Я слез, позвонил и сказал горничной, чтобы она поторопила наших друзей; я подожду их на улице. Она проговорила в ответ что-то, чего я не понял, и я вернулся в свой экипаж. Вероятно, девушка хотела мне втолковать, что эти жильцы не с ее этажа и что разумнее будет, если я поднимусь по лестнице и стану звонить на каждом этаже, пока не найду тех, кто мне нужен; ибо разыскать нужных людей в швейцарском пансионе можно, кажется, только если проявишь величайшее терпение и согласишься взбираться наугад от двери к двери. Я рассчитал, что мне предстоит дожидаться ровно пятнадцать минут, потому что в подобных случаях

совершенно неизбежны следующие три этапа: во-первых, надевают шляпы, спускаются вниз и усаживаются; во-вторых, один возвращается за оставленной перчаткой;

и в-третьих, после этого другому необходимо сбегать наверх, потому что он забыл там "Французские глаголы с одного взгляда". Я решил, что не буду нервничать и поразмыслию на досуге эти четверть часа.

Я погрузился было в блаженный покой ожидания - и вдруг почувствовал у себя на плече чью-то руку. Я вздрогнул. Нарушителем моего спокойствия оказался полицейский. Я глянул на улицу и увидел, что декорации переменялись. Кругом собралось много народу, и у всех был такой довольный и заинтересованный вид, какой бывает у толпы, когда кто-нибудь попал в беду. Лошадь спала, спал и кучер, и какие-то мальчишки увили нас пестрыми лентами, сорванными с бесчисленных флажтоков. Зрелище было возмутительное. Полицейский сказал:

- Простите, мосье, но мы не можем вам позволить спать здесь целый день.

Я был оскорблен до глубины души и ответил с достоинством:

- Прошу прощения, но я не спал. Я думал.

- Вы, конечно, можете думать, если вам хочется, но тогда думайте про себя, а вы подняли шум на весь квартал.

Это была неудачная шутка, в толпе стали смеяться. Я, правда, храплю иногда по ночам, но чтобы я стал храпеть в таком месте, да еще среди бела дня, - это весьма маловероятно! Полицейский освободил нас от украшений, он с сочувствием отнесся к нашей бесприютности и вообще был очень дружелюбен; однако он сказал, что нам нельзя больше здесь оставаться, иначе ему придется взыскать с нас плату за постой, - таков у них закон; потом он дружески заметил, что я выгляжу омерзительно и вообще, черт возьми, хотелось бы ему знать...

Но я весьма строго прервал его и сказал, что, по-моему, в такие дни не грех и поспрашивать, в особенности если торжества касаются тебя лично.

- Лично? - удивился он. - Каким же это образом? - Да таким, что шестьсот лет тому назад мой предок подписался под вашим союзным договором.

Он поразмыслил немного, оглядел меня с головы до ног и говорит:

- Ах, предок! А по-моему, это вы сами подписывались. Потому что из всех старых развалин, каких мне в жизни случалось... Впрочем, это не важно. Но чего вы здесь так долго дожидаетесь?

Я ответил:

- Я вовсе и не дожидаясь здесь долго. Я просто жду пятнадцать минут, пока они забудут перчатку и книгу и сходят за тем и другим.

И я объяснил ему, кто такие эти двое, за которыми я приехал.

Тогда он проявил особую любезность и, громко выкрикивая слова, стал расспрашивать торчавшие над нами из оков головы и плечи. А какая-то женщина вдруг отвечает:

- Ах, те? Да я еще когда ходила для них за извозчиком! Они уехали так около полдевятого.

Это было досадно. Я взглянул на часы, но ничего не сказал. А полицейский говорит:

- Сейчас четверть двенадцатого. Надо было вам лучше расспросить. Вы проспали три четверти часа, и на таком солнцепеке. Да вы тут заживо спеклись, дочерна. Удивительное дело. А теперь вы еще, наверно, опоздаете на поезд. Хотелось бы мне знать, кто вы такой? Ваша профессия, мосье?

Я ответил, что я агент по обслуживанию туристов. Это его совершенно ошеломило, и прежде чем он успел прийти в себя, мы уехали.

Вернувшись в гостиницу, я поднялся на четвертый этаж и обнаружил, что наши номера стоят пустые. Это меня не удивило. Всегда так: только агент отвернется от своей паствы, как туристы тут же разбредаются по магазинам. И чем меньше времени остается до отхода поезда, тем вероятнее, что их не будет на месте. Я сел и стал думать, что же делать дальше; но тут меня на шел коридорный и сообщил, что вся наша экспедиция полчасу тому назад

отбыла на вокзал. В первый раз за все время они поступили разумно, и это совершенно сбило меня с толку. Такие вот неожиданности и делают жизнь агента тягостной и беспокойной. Как раз когда все идет как по маслу, у подопечных вдруг наступает полоса временного просветления мозгов, и труды его и старания рассыпаются прахом.

Отправление поезда было назначено ровно на двенадцать часов дня. Часы показывали десять минут первого. Я мог быть на вокзале через десять минут. Я сообразил, что времени у меня, возможно, не в избытке, ведь то был экспресс-"молния", а экспрессы-"молнии" на континенте весьма дотошны - им обязательно надо тронуться с места до истечения указанных в расписании суток. В зал ожидания не было никого, кроме моих друзей; все другие уже прошли на перрон и "поднялись в поезд", как говорят в здешних местах. Члены экспедиции совершенно обессилели от беспокойства и возмущения, но я их утешил, приободрил, и мы ринулись к поезду.

Но нет, удача и на этот раз не сопутствовала нам. Контролера, стоявшего у выхода на перрон, почему-то не удовлетворили наши билеты. Он долго, внимательно и подозрительно их разглядывал; потом сверкнул на меня очами и подозвал другого контролера. Вдвоем они снова рассматривали билеты, и подозвали третьего. Потом втроем они позвали еще множество других контролеров, и все это сборище говорило, и толковало, и жестикулировало, и полемизировало до тех пор, пока я наконец не взмолился, чтобы они вспомнили, как быстро летит время, приняли несколько резолюций и дали нам пройти. В ответ они любезно уведомил и меня, что в билетах обнаружен изъян, и спросили, где я их достал.

Ага, думаю, теперь-то мне ясно, в чем дело. Ведь я купил их в табачной лавке, и от них, конечно, несет табаком; и теперь они, вне всякого сомнения, собираются провести мои билеты через таможенню, чтобы взять пошлину за табачный запах. Я решил быть искренним до конца,-иной раз это оказывается разумнее всего. Я сказал: - Джентльмены, я не стану вас обманывать. Эти железнодорожные билеты...

- Пардон, мосье! Это не железнодорожные билеты.

- Вот как? - говорю. - В этом и состоит их изъян?

- Вот именно, мосье, вот именно. Это лотерейные билеты, мосье. Билеты лотереи, которая разыгрывалась два года тому назад.

Я притворился, что мне ужасно весело; в подобных случаях - это единственное, что остается; единственное, - а между тем толку-то от этого чуть: обмануть ты все равно никого не можешь и только видишь, что всем тебя жалко и всем за тебя неловко. По-моему, самое гнусное положение, в какое только может попасть человек, - это когда душа его вот так полна горем, сознанием понесенного поражения и собственного ничтожества; а между тем он вынужден корчить из себя бог весть какого шутника и забавника, хоть сам псе равно знает, что члены его экспедиции - сокровища его души, те люди, чьи любовь и почитание полагаются ему по законам современной цивилизации, сгорают от стыда перед чужими людьми, видя, что ты вызвал к себе жалость, которая есть пятно, клеймо, позор и все прочее, что только может навсегда лишить тебя человеческого уважения.

Я бодро сказал, что это ерунда: просто произошло маленькое недоразумение, такое со всяким может случиться, - вот я сейчас куплю настоящие билеты, и мы еще поспеем на поезд, да вдобавок ко всему у нас будет над чем смеяться всю дорогу. И я действительно успел выправить билеты, со штампами и со всем, что полагается, но тут обнаружилось, что я не могу их приобрести, потому что, употребив столько усилий на воссоединение с двумя недостающими членами экспедиции, я упустил из виду банк, и у меня нет денег. Поезд отошел, и нам ничего не оставалось, как вернуться в гостиницу, что мы и сделали; возвращение наше было унылым и безмолвным. Я попробовал было одну-две темы, вроде красот природы, преосуществления и прочего в том же роде, но они как-то не отвечали общему настроению. Наши хорошие номера были уже заняты, но мы получили другие, правда в разных концах здания, однако все же приемлемые. Я рассчитывал, что теперь сумрак начнет рассеиваться, но глава экспедиции промолвила:

"Велите принести в номера наши чемоданы". Я похолодел. С чемоданами что-то было явно не ладно. Я почти не сомневался в этом. Я хотел было предложить, чтобы...

Но одним мановением руки меня заставили замолчать, а затем меня уведомили, что теперь мы обоснуемся здесь еще на три дня, чтобы хоть немного отдохнуть и прийти в себя.

Я сказал, что ладно, только пусть они по звонят вниз: я сам сейчас спущусь и прослежу, чтобы принесли чемоданы. Сел на извозчика и еду прямо в контору м-ра Чарльза Нэчурела, а там спрашиваю, какое я им оставил распоряжение.

- Отправить семь чемоданов в гостиницу.

- А оттуда вы ничего не должны были привезти?

- Нет.

- Вы абсолютно уверены в том, что я не поручал вам захватить из гостиницы другие семь чемоданов, которые будут сложены в вестибюле?

- Абсолютно уверены.

- В таком случае все четырнадцать чемоданов уехали в Цюрих, или в Иерихон, или еще бог весть куда, и теперь, когда экспедиции станет известно...

Я не кончил, у меня уже ум за разум зашел, а в таком состоянии кажется, будто ты кончил предложение, а между тем ты его прорвал на середине и зашагал прочь, точно лунатик; а там, не успеешь оглянуться, как тебя уже сшибла ломовая лошадь, или корова, или еще что-нибудь.

Я оставил у конторы извозчика - забыл о нем - и по дороге, тщательно все обдумав, решил подать в отставку, ибо в противном случае меня почти наверняка разжалуют. Однако я не счел необходимым подавать в отставку лично: можно ведь и передать через кого-нибудь. Я послал за мистером Луди и объяснил ему, что один мой знакомый агент уходит от дел по причине полной неспособности или по причине переутомления - что-то в этом роде, - и раз у него, Луда, есть еще несколько свободных дней, я хотел бы предложить эту вакансию ему, если только он возьмется. Когда все было улажено, я уломал его подняться наверх и сообщить членам экспедиции, что в силу ошибки, совершенной служащими м-ра Нэчурела, мы здесь остались вовсе без чемоданов, зато их будет избыток в Цюрихе, так что нам нужно немедленно погрузиться в первый состав, товарный, ремонтный или строительный - безразлично, и на всех парах катить в Цюрих.

Он все это исполнил и, вернувшись от них, передал мне приглашение подняться в номера. Как же, так я и пошел! И пока мы с ним ходили в банк за деньгами и за моими сигарами, оттуда - в табачную лавку, чтобы вернуть лотерейные билеты и захватить мой зонтик, а оттуда - к конторе мистера Нэчурела, чтобы расплатиться с извозчиком и отпустить его, а оттуда - в городскую тюрьму, чтобы взять мои калоши и оставить на память мэру и членам Верховного суда мои визитные карточки, он по дороге описал мне, какая наверху царит атмосфера, и я понял, что мне и здесь хорошо.

Так я и скрывался в лесах до четырех часов пополудни, покуда не утихла непогода, а затем объявился на вокзале как раз к отходу трехчасового экспресса и воссоединился с экспедицией, находившейся под опекой Луди, который пел все ее сложные дела без видимых усилий или каких-либо неудобств для себя лично.

Одно скажу: я трудился, как раб, пока стоял у кормила власти, я делал все, что мог и умел, но люди запомнили лишь недостатки моего правления и знать ничего не желали о моих достижениях. Пренебрегая тысячей достижений, они без конца - и как только не надоедало?! - вспоминали и с возмущением твердили об одном-единственном обстоятельстве, - да и в чем-то ничего особенного не было, если здраво рассудить, - а именно, что в Женеве я произвел себя в агенты по обслуживанию туристов, потратил столько усилий, что можно было бы целый зверинец переправить в Иерусалим, однако не вывез свою компанию даже за пределы города. В конце концов я сказал, что не хочу больше об этом слышать ни слова, меня это утомляет. И я заявил им прямо в глаза, что никогда больше не соглашусь быть агентом, даже если от этого будет зависеть чья-нибудь жизнь. Надеюсь, я еще доживу до того времени, когда смогу это доказать. По-моему, нет другой

такой трудной, головоломной, губительной для здоровья и совершенно неблагодарной должности, и весь заработок с нее - это обида на сердце и боль в душе.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)